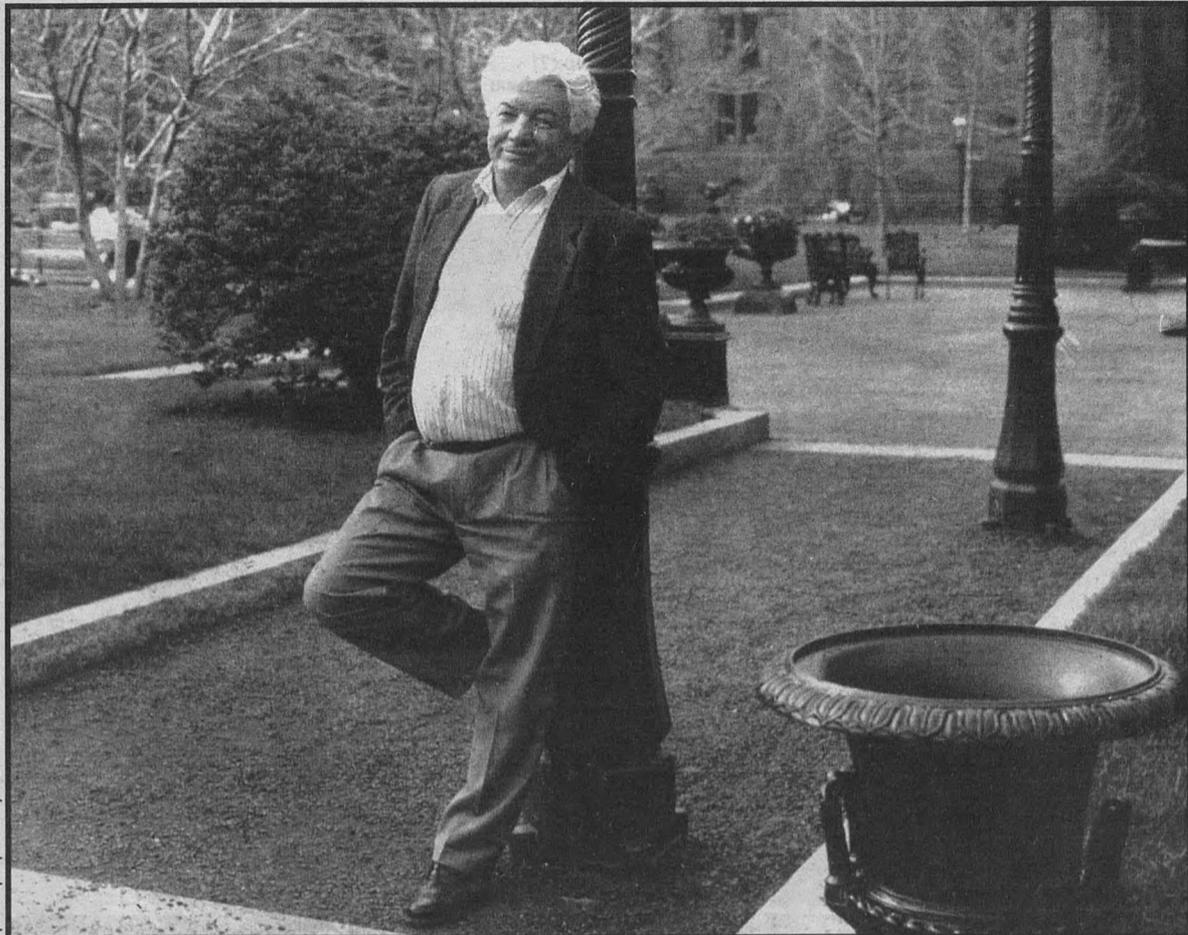

В десятку!

МОЯ ДОЧЬ ВСЕГДА ХОДИЛА
В ЧЕРНОМ. НО ОДНАЖДЫ
ОНА НАДЕЛА РОЗОВОЕ ПЛАТЬЕ.

фотограф Валерий Плотников

Владимир ВОЙНОВИЧ:

ПЬЮ ПОЧТИ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР

Написав первую часть «Жизни и необычайных приключений солдата Ивана Чонкина», Владимир Войнович, пожалуй, стал самым популярным и самым скандальным советским писателем. С тех пор слава талантливого пьяницы преследовала его неотступно, а каждой новой вещи, напечатанной им при помощи компьютера в мюнхенской квартире, была уготована судьба бестселлера...

— Владимир Николаевич, вы выпиваете?

— Я выпил в своей жизни очень много, особенно водки.

— Значит, сейчас уже не пьете?

— Кто вам такое сказал? Я пью почти каждый вечер. Когда мне было тридцать, у меня был приятель шестидесяти лет, с которым мы зараз выпивали по литру, а то и больше, водки. А теперешние молодые люди думают, что если мне шестьдесят, то я уже вообще ни на что не годен.

— Я так не думал! Я спросил-то с надеждой, наоборот.

— Я вам должен сказать, что выпиваю, и даже гораздо больше, чем нужно. Но сейчас, вспоминая свою молодость, я думаю, что это был

большой перебор, столько пить не надо было. Пьянство на Руси — это, конечно, большой порок и бич, и я отношусь к нему с осуждением. Сейчас мне жалко того времени, что я провел за пьянством. Я никогда не был алкоголиком, но выпить любил...

— По-моему, такого нигде больше нет, чтобы водка стоила дешевле колбасы?

— Есть. В Израиле водка ничего не стоит вообще, но ее никто и не пьет. В Чехии водка тоже очень дешевая, но там больше пьют. А в Америке в «драг-сторс» продается спирт по 60 центов за литр, на этикетке которого написано, что внутрь не употреблять, потому что

это может вызвать гастрит. Я подумал: вот если бы этот спирт у нас поставили в магазинах, что бы было!

— А что, кроме этого, вас сейчас злит в российской жизни? Или вы воспринимаете ее философски?

— Кроме политики руководства и чеченской войны раздражает то, что советская власть кончилась, а наши люди так и остались советскими. Сейчас уже все улеглось, осталась только свобода прессы, а строй жизни снова вернулся к какому-то советскому. Я уже не вижу никакой разницы между нынешним руководством и ЦК КПСС, у них уже и партийные газеты возникли.

— Как вам живется в Мюнхене?

— Сейчас я уже не могу сказать, как живется и где живется, поскольку дорога туда и сюда открыта. Я часто даже не замечаю перемены: и там квартира, и тут квартира, в них все привычно — стол, библиотека. Я уже не вижу разницы.

— Я знаю, что Бавария — это страна в стране, и даже на выезде и въезде там висит баварский флаг. Чем же она отличается от других земель?

— Ну, хотя бы тем, что называется «свободная земля Бавария» и многие считают, что она вообще не Германия. Да и язык баварский лишь отдаленно похож на немецкий. Над этим, конечно, многие смеются и воспринимают баварцев как чукчей, но и баварцы представляют чукчами других.

— Я хочу вам рассказать один анекдот, а вы, может, поможет определить, баварский он или же немецкий. Сидят за столом четыре бюргера, пьют пиво, играют в карты. Один говорит: «Что-то говном запахло». Другой кидает на стол свою карту и продолжает: «Наверное, кто-то под столом награл». Третий, заглянув под стол, добавляет: «Да нет вроде». Четвертый, бросая карту: «Значит, насрут!»

— Это общенациональный анекдот — здесь в моде так называемый фекальный юмор. Но это отдельная тема.

— Сложно вам было притираться к немецкой жизни?

— Конечно, сложно. Но с другой стороны, я не прошел через то, что проходили многие, в те годы эмигрировавшие. У меня не было материальных трудностей — я имел там достаточно гонораров. По приезде в Мюнхен меня поселили в лучшей гостинице, на следующий день я уже купил машину — в этом смысле мне было легче. И к тому же я уже несколько лет был членом Баварской академии, то есть меня здесь знали. Но очень трудно было привыкать к другому стилю жизни, к языку. Немецкий я вообще не учил, я им со слуха овладел. Моя жена говорит лучше, потому что она этим занималась, дочь говорит в совершенстве, она уже немецкая писательница. Ей было семь лет, когда мы уехали, так что теперь она с акцентом говорит уже по-русски.

— Какое влияние в Германии оказывает политика на рядового гражданина и влияет ли она на вас?

— Лично я участвую время от времени в каких-то выборах, но, честно говоря, местная политическая жизнь меня мало интересует, она никак на мне не отражается. Со всем другим — моя дочь. Молодежь всегда более активна в этом смысле, она считает, что от политики зависит и будущее и вся жизнь, поэтому молодежь почти всегда ориентирована в более радикальную сторону, чем люди старшего поколения, которые с годами становятся все более консервативными. Не случайно, что в Германии две основные партии: ХДС и социал-демократы. Молодежь, как правило, сочувствует вторым. К примеру, моя дочь, когда была подростком, всегда ходила в черном, в знак какого-то общественного протеста. Но однажды она надела какое-то розовое платье, что-то еще... Думаю: что же это значит? А потом говорю: «Я знаю, почему ты сегодня решила надеть розовое платье. Штраус умер, правильно?» «Да, — говорит, — правильно». Штраус считался консервативом и реакционером. И она надела это платье и сняла черные одежды, чтобы никто не подумал, что она в трауре.

— Мне кажется, пора бы нам и об искусстве поговорить. Понравился ли вам фильм «Чонкин» Менцеля?

— В основном. Потому что даже теоретически не может быть фильма, сделанного по моему произведению, чтобы у меня не было к нему замечаний. И когда я соглашаюсь на экранизацию, всегда понимаю, что она обязательно будет сделана с огрублениями и потерями.

Мой опыт работы в кино связан не только с «Чонкиным». Меня часто приглашали на «Мосфильм», а на «Ленфильме» я вообще провел очень много времени. Меня просили что-нибудь экранизировать, я писал по своим произведениям сценарии, потом их всегда запрещали — так что, как видите, опыт у меня большой, хоть и отрицательный. Но я не могу сказать, что у меня такая уж безумная любовь к кино. Литературу я люблю гораздо больше и как искусство ставлю гораздо выше и кинематографа, и всех остальных искусств.

— Вы полагаете, что литература еще какое-то время протянет и не умрет вскоре окончательно? В наше-то время — комиксов, порно и видео?

— Литература умирает постоянно, но никогда не умрет. Конечно, значение литературы падает и значение писателя как общественной фигуры тоже падает, но все-таки не до нуля. Мне, к примеру, долго смотреть телевизор скучно, а вот читать — нет.

— А вы не думаете, что ваш консерватизм — возрастной? Телевизор — это же как красная тряпка: когда он работает, от него глаз не оторвать. Это ведь как зараза.

— Зараза, правильно. Но все равно

— у нас-то телевидение в зачаточном состоянии, а на Западе — там по 80 каналов, половина из них — круглосуточные, но все равно люди книжки читают. Хотя, казалось бы, в таких условиях литература должна рухнуть... А вообще-то наш разговор очень странно повернулся. Обычно я высказываю пессимистические взгляды на литературу, а с вами я говорю как оптимист. И у меня есть аргументация. Значит, не все так плохо.

— А какой может быть жизнь современного писателя? На гонорары прокормиться невозможно. Значит, писательство возможно только как хобби?

— Некоторым хватает и гонораров, а есть и такие, которые живут на гонорары так, что даже можно завидовать. Есть такой американский писатель, на мой взгляд, очень плохой, — Том Клейс. Так вот этот Клейс летает на своем собственном «Боинге», имеет большие владения и относится к числу очень богатых людей. Серьезный писатель не может так много зарабатывать, однако в большой стране он может существовать безбедно.

— Вы сказали, в большой стране. А как быть, если страна небольшая — средняя. Скажем, европейская?

— Это важно. В Америке много читателей. В Латинской Америке — тоже. А вот какому-то немецкому писателю уже хуже, а голландскому и совсем плохо.

— Так чем же они промышляют?

— Они работают клерками, инженерами, докторами. Я знаю в Германии даже одного писателя-судью.

— А вы на гонорары живете?

— Я — на гонорары. У меня нет никакой должности и никогда не было, я всю свою жизнь живу на гонорары. Но вообще-то я же довольно известный писатель, причем не только в России. На российские гонорары я бы не прожил. Кроме того, сейчас я затеял телесериал. С тех пор как началась перестройка, я заметил, что эти процессы почти не отразили в литературе. Как жанр она не поспекает. И я подумал, по той самой причине, что вы говорили — литература умирает, а телевизор нет, — а не обратиться ли и мне к этому жанру? И вот решил написать сериал о современной жизни. Условно он у меня называется «Новые русские». А может, и по-другому будет...

— Лучше по-другому.

— А почему?

— От такого словосочетания уже тошнит.

— А я специально и хочу так сделать, именно потому, что тошнит! И я уже написал большой кусок, который может быть началом.

— Это будет смешной сериал?

— Обязательно, это будет комедия.

Я без юмора писать вообще не умею.

— А материал где собирать будете?

— А я его постоянно собираю. Жизнь богата, только успевай записывать... Вот я сейчас с вами поговорил, а потом вас опишу...

— Хм... Спасибо, конечно. Интересно будет посмотреть.

Виталий КНЯЗЕВ.

ВОЙНОВИЧ

Владимир Николаевич.

Родился 21 сентября 1932

года в Душанбе. Работал пас-

тухом, столяром, слесарем, авиамехаником, железнодорожным рабочим, инструктором сельского райисполкома, редактором радио. Четыре года служил в советской армии. В школе учился урывками и урывками же — полтора года в Московском областном пединституте.

С 1966 года выступает в защиту прав человека. Писал стихи, затем прозу. Дебютировал повестью «Мы здесь живем».

В. Войнович — профессор Принстонского университета, избран в Баварскую академию изящных искусств, член Международного пен-клуба, почетный член американского Общества Марка Твена.

Исключен из Союза писателей СССР в 1974 году. В 1980 году уехал в ФРГ по приглашению Баварской академии изящных искусств, в 1981 году лишен советского гражданства.

В 1990 году указ о лишении гражданства отменен.

Женат, имеет дочь. Живет в Мюнхене и в Москве.